

Тайна Тыквенного спаса

ИИ
Татьяна Янгаус

Татьяна Янгаус

Тайна Тыквенного спаса

<https://litres.ru/74650234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если накануне Тыквенного спаса исчезает главная городская тыква? Лида приехала в Медовку ненадолго, но просьба тёти Нины втягивает её в поиски. Праздник под угрозой, свидетели спорят, а у каждого — своя версия.

Следы ведут к старому фонарю, архиву под сценой и заброшенной оранжерее. Чтобы раскрыть тайну, Лиде и соседям придётся отличать факты от догадок, бережно слушать чужие воспоминания и действовать сообща. А история первой тыквы напомнит: урожай, память и забота обретают смысл, когда ими делятся.

Уютная осенняя история для любителей камерных загадок, душевных городков и возвращения домой. Запах корицы, дождливые улицы и простая истина: праздник рождается из участия каждого. После неё захочется верить людям и самим зажигать свет.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Возвращение в Медовку	5
Праздник на волоске	15
Пропавшая тыква	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Янгаус

Тайна Тыквенного спаса

Тайна Тыквенного спаса

Татьяна Янгаус

Возвращение в Медовку

Автобус затормозил у площади, и Лида увидела Медовку сквозь дождевые полосы на стекле: мокрую мостовую, дымок над крышами и колокольню, которая казалась ниже, чем в детстве. Или это она сама стала выше. У булочной на углу пахло корицей — так сильно, будто кто-то раскрыл дверцу духовки прямо на улицу.

Лида задержала ладонь на ручке чемодана. Можно было не выходить сразу. До следующего автобуса оставалось сорок минут, а до города, в котором она теперь жила, — всего два часа пути. Достаточно, чтобы передумать, сослаться на срочную работу и отправить тётё Нине сообщение: «Извини, не успеваю».

Но дождь барабанил по крыше, водитель уже выгружал её чемодан, а у булочной стояла женщина в синем плаще и размахивала рукой.

— Лидка! — крикнула она. — Ты что же, решила, что мы тебя не узнаем?

Таксист, которому было лет двадцать, оглянулся:

— А я думал, вы впервые приехали.

— Она у нас местная, — сказала женщина. — Просто давно притворяется городской.

Лида улыбнулась, хотя улыбка вышла чуть натянутой. В Медовке её, оказывается, помнили. Здесь имя могло пере-

жить годы отсутствия, смену причёски и даже собственную уверенность, что прошлое давно отложено в дальний ящик.

Тётя Нина встретила её у булочной с зонтом, клетчатой сумкой и папкой, зажатой под локтем. Из папки торчали цветные листы, на одном крупно было написано: «ТЫКВЕННЫЙ СПАС. НУЖНЫ РУКИ!»

— Ты промокла, — сказала Нина, обнимая племянницу так крепко, что Лида уткнулась носом в её шерстяной шарф. — Я бы предложила сначала чай, но чай у меня уже остыл, список дел — нет. Иди сюда, я тебя хотя бы пирожком согрею.

— Я думала, ты встретишь меня с табличкой.

— Табличка была. Её унесло ветром. Как и мой список добровольцев, кстати. Но список я нашла, а ветер пусть сам разбирается.

Булочная была той же и не той. Прилавок заменили, стены перекрасили в сливочный цвет, но за кассой всё ещё висели связки сушёных яблок, а на подоконнике стояли банки с вареньем. Пекарша Аграфена — уже седая, но с тем же быстрым взглядом — поставила перед Лидой чашку.

— На, голубушка. Твоя бабушка всегда брала чай покрепче, когда собиралась спорить.

Лида обхватила чашку обеими руками.

— Она спорила с чаем?

— С чаем — никогда. С людьми — сколько требовалось. Нина хмыкнула, но ничего не добавила. За окном дождь

сыпался на мостовую, и в его сером блеске Лиде мерещилась прежняя Медовка: она бегом несётся через площадь, запаздывая домой; бабушка Вера ждёт у калитки; у соседей сушатся на верёвке полотенца. Но нынешний город не был картинкой из памяти. На месте старой телефонной будки теперь стояла деревянная стойка с афишами. На афише, под улыбающейся тыквой, значилось: «Тыквенный спас — в это воскресенье».

— Ты ведь только до праздника и обратно? — спросила Нина, помешивая чай.

— Пока план именно такой. Помочь тебе с подготовкой, переночевать, уехать.

Слова прозвучали отрепетированно. Лида произнесла их ещё в поезде, потом в автобусе, потом, кажется, мысленно — всякий раз, когда из-за поворота открывался знакомый дом или знакомая улица.

Она уехала из Медовки семь лет назад. После смерти бабушки Веры семейные разговоры быстро свелись к дому: кто будет за ним присматривать, можно ли его продать, имеет ли смысл держать пустые комнаты. Лида тогда поссорилась с матерью. Та сказала, что нельзя вечно сохранять вещи вместо людей. Лида ответила, что есть люди, которых начинают вспоминать только после того, как их уже нельзя навестить. Слова оказались острыми с обеих сторон. На похоронах они почти не разговаривали, а через неделю Лида вернулась в город, где училась, и постепенно научилась не приезжать.

— Пойдём, — сказала Нина. — Я покажу, что у нас творится. А потом отнесём в дом пару коробок. Там кое-что нужно забрать для праздника.

На площади двое подростков раскладывали тыквы на соломе. Один украшал плод нарисованными усами, другой пытался прикрепить к нему бумажную корону. У ратуши женщина в непромокаемом фартуке пересчитывала столы. Мужчина с седой бородой тащил из грузовика деревянные скамейки и спорил с кем-то по телефону:

— Я тебе говорю, доски сухие! Это не они дождём пахнут, это ты их в сарае с луком держал!

Медовка готовилась к Тыквенному спасу не как к параду, а как к общему делу, где каждый знал, что можно принести: ящик яблок, охапку дров, десяток пирогов или пару свободных часов. Праздник был местный — с супом из большой котловой кастрюли, детским шествием фонариков, ярмарочными столами и главной тыквой на площади. Когда-то бабушка Вера придумала ставить её у старого колодца и вырезать на кожуре маленькую звезду. Теперь эта звезда была нарисована на афишах.

— Ты уже распределила всех? — спросила Лида.

Нина посмотрела на неё поверх папки.

— Конечно. Я распределила тех, кто согласился. Это разные числа.

Она раскрыла папку. В списке напротив фамилий стояли пометки, кружки, крестики и одна нарисованная крошечная

тыква.

— Главную тыкву обещал привезти Пахомов, — объяснила Нина. — Вырастил красавицу, крупную, ровную. А после вчерашнего дождя у неё треснула нижняя часть. Для супа годится, для украшения — уже нет. Нам нужна другая, и желательно не размером с дыню.

— Ещё найдём.

— Я тоже так говорю. Но люди почему-то предпочитают слышать, что всё готово. А добровольцы... — Нина постучала пальцем по листу. — Из восемнадцати человек осталось семь. У одного сломалась машина, двое уехали к дочери, ещё трое записались на сбор яблок в соседнее село. И это я ещё не считала тех, кто обещал «заглянуть, если получится».

— Что нужно сделать в первую очередь?

Нина на мгновение умолкла. В её лице появилось облегчение, которое она тут же прикрыла деловым выражением.

— Найти большую тыкву. Уточнить, кто поможет с шатрами. Проверить фонари. Забрать из бабушкиного дома старые стеклянные колпаки и лампы. И сделать вид, что я совершенно не волнуюсь.

— С последним, боюсь, поздно.

— Я организатор, Лида. Волноваться — часть должностной инструкции.

Они пошли вдоль площади. Лида замечала, как легко память подсовывает ей старые очертания вместо новых. Там, где раньше сидел старик Громов, теперь стояла скамейка с

табличкой. Куст сирени у библиотеки исчез, зато на его месте росли две молодые яблони. За школьным забором кто-то репетировал песню; детские голоса то сходились, то расходились, как стая птиц перед дождём.

— Иногда кажется, что здесь ничего не меняется, — сказала Нина. — А потом смотришь: и людей меньше, и крыши другие, и у половины детей уже телефоны, которые знают больше, чем школьная библиотека.

— А праздник?

— Праздник меняется вместе со всеми. Но если его не делать, он меняется быстрее.

Лида остановилась у витрины мастерской. На стекле мелом было написано: «Фонарики к Спасу — принимаем заявки». Под надписью висели бумажные круги, листья и звёзды. Один фонарик был раскрашен неровно, детской рукой. Лида вспомнила, как в детстве несла такой же, а бабушка Вера шла рядом и придерживала его ладонью от ветра.

Запахи возвращали воспоминания неожиданно точно. Запах корицы, сырой шерсти, печёных яблок — и вдруг возникало не просто изображение, а телесное чувство: тепло бабушкиной кухни, царапина на подбородке, шершавая vareжка в ладони. Обонятельные сигналы связаны с мозговыми областями, участвующими в эмоциях и автобиографической памяти, поэтому запах способен вернуть прошлое быстрее, чем длинные размышления. Не обязательно считать это знаком или приглашением. Иногда это просто память открыва-

ет дверь раньше, чем мы успеваем решить, готовы ли войти.

Лида достала блокнот, который взяла в дорогу, и записала три коротких пункта — не о празднике, а о себе:

1. Что я узнаю: булочную, площадь, голос тёти Нины.

2. Что изменилось: дома стали другими, бабушки нет, я сама уже не та.

3. Что могу сделать сегодня: помочь с делом, не обещая себе решить всё сразу.

Это был простой способ не путать прошлое с настоящим. Если возвращение в знакомое место вызывает слишком много чувств, можно сначала назвать конкретные вещи: что осталось, что изменилось и какой небольшой шаг доступен сейчас. Не нужно немедленно разбирать всю историю семьи или принимать решения на годы вперёд. Иногда достаточно выбрать следующий час.

Дом бабушки Веры стоял на улице, которая спускалась к старому саду. Калитка подалась с коротким скрипом. Лида помнила этот звук — он всегда напоминал ей, что надо не толкать, а сначала приподнять за угол. Она так и сделала. Ворота открылись.

— Я думала, после похорон здесь всё вывезли, — сказала она.

— Почти всё. То, что казалось важным, я оставила. То, что оказалось важным позже, тоже оставила. Так и накопилось, — ответила Нина.

Ключ у тёти был на связке с маленьким медным колоколь-

чиком. Она не сразу отделила его от остальных.

— Бабушка просила не передавать тебе ключ по почте,
— сказала Нина. — Сказала: если Лида вернётся, отдай ей самой.

Лида подняла глаза.

— Она сказала именно так?

— Именно. А потом добавила, что ключ не письмо, чтобы его пересылать. У неё были свои правила.

Ключ повернулся в замке не с первого раза. Когда дверь наконец открылась, из дома потянуло яблоками, сухой пылью и чем-то ещё — прохладным, неподвижным, словно комнаты долго хранили не вещи, а несказанные слова.

На кухне всё было почти на своих местах. На полке стояли банки, в шкафчике — чашки с мелкими голубыми цветами. За занавеской у окна поблёскивала стеклянная банка с сушёными яблоками. Лида тронула её, и сухие ломтики тихо шевельнулись.

— Их тут можно было бы менять хоть каждый год, — сказала Нина. — Но я всё не решалась выбросить.

Лида не ответила. На кухонном столе, рядом с деревянной доской, лежал засохший кленовый лист. Его прижала старая стеклянная сахарница. На листе, поперёк потемневших прожилок, знакомым бабушкиным почерком было написано:

«Не забудьте зажечь фонарь».

Лида коснулась края листа. Он был тонким, ломким. Чернила местами расплылись, но слова читались ясно.

— Ты знаешь, что это значит? — спросила она.

Нина подошла ближе.

— Я думала, это напоминание для праздника. Вера каждый год следила, чтобы фонарь горел до рассвета.

— Какой фонарь?

— Вот это я и не знаю. Их у неё было много. Она говорила, что каждый нужен для своего дела.

Лида взглянула на окно. Снаружи дождь редел, и в стекле отражалась кухня — стол, сахарница, её собственное лицо. В детстве бабушка зажигала фонарь в доме вечером накануне Спаса. Лида помнила маленькое жёлтое пятно света и тёплую комнату вокруг него. Не помнила, зачем это делали. Или помнила, но никогда не спрашивала.

— Я останусь до праздника, — сказала она.

Нина не стала переспрашивать. Только сняла с ключей колокольчик и положила рядом с листом.

— Тогда завтра начнём с тыквы. А потом разберём фонари.

— И добровольцев.

— Добровольцев я разберу сама. Если всех разбирать, ничего не останется.

Лида усмехнулась. Впервые с приезда её улыбка не показалась чужой.

Дом не стал вдруг прежним, а город не отменил тех лет, когда она отсутствовала. Но в кухне пахло яблоками, за окном шумел дождь, и рядом стояла тётя, которая умела дер-

жаться даже тогда, когда сама не была уверена в успехе. На столе лежал листок с бабушкиной просьбой — слишком ясной, чтобы притвориться, будто его не заметила.

Уезжая, Лида рассчитывала ненадолго остановиться в Медовке. Теперь у неё был ключ, невыполненная просьба и праздник, которому не хватало главной тыквы и рук. Этого было достаточно, чтобы остаться на один вечер. А потом — ещё на один.

К вечеру дождь прекратился. На площади зажгли рабочие фонари, и их тёплые круги легли на мокрую мостовую. Медовка продолжала готовиться: кто-то переносил скамейки, кто-то считал корзины, кто-то звонил соседям, которые пока ещё не знали, что уже записаны в список добровольцев.

Лида заперла бабушкин дом и оставила ключ у себя. Завтра предстояло искать тыкву. А до Тыквенного спаса оставалось всего несколько дней.

Праздник на волоске

В маленьком городе большой праздник сначала помещается на одном листке. Потом — на двух. А когда до праздника остаётся неделя, листки уже не помещаются на стол, и кажется, будто бумага размножается быстрее тыкв.

В библиотеке Берестова листов было ровно семь. Тётя Нина разложила их вдоль длинного стола, прижала углы сахарницей и объявила, что наконец-то всё записано. Тут же обнаружилось, что к списку нужен ещё один список — кто отвечает за то, что записано в первом.

— Я просила только принести доски, — сказал Аркадий, школьный учитель физики. — А не собирать сцену из того, что найдётся у каждого в сарае.

— Доски у меня есть, — отозвался Семён, садовод. — Только грузовик не приехал.

— А гирлянды не приедут вообще, — сказала Рита, хозяйка пекарни. Она поставила на стол коробку с недопечёнными булочками, будто принесла доказательство собственной невиновности. — Поставщик обещал вчера. Сегодня прислал сообщение: машина сломалась, заказ задерживается на неделю.

— Неделю?! — переспросила тётя Нина. — Праздник у нас в субботу.

— Может, у машины тоже праздник, — предположил

один из подростков у окна. Его звали Миша, и улыбался он так, будто шутка была полезнее гаечного ключа.

— Если машина починится к субботе, я готова пригласить её на открытие, — сказала Рита. И первой рассмеялась над собственной усталостью.

Лида сидела у края стола, рядом с окном, за которым мокли красные листья. Она приехала в Берестов ненадолго, чемодан в её комнате всё ещё стоял нераспакованным. В кошельке лежал билет на обратную электричку. Она собиралась просто заглянуть в библиотеку: тётя Нина попросила помочь перенести коробку с афишами. Но коробка давно стояла в углу, а перед Лидой спорили люди, которым уже не хватало сил спорить вежливо.

На столе лежал и восьмой листок — чистый. Тётя Нина собиралась записывать туда «новые вопросы», но список, казалось, заметил это и начал расти сам.

— И сцена, — продолжил Аркадий, — пока существует только в моём воображении и в сарае у сторожа.

— А там она хотя бы под крышей, — заметил Семён.

— Под крышей — да. На ногах — нет.

Тётя Нина перелистнула блокнот:

— Ещё надо подтвердить музыку, забрать яблоки для конкурса, расставить лавки, найти удлинитель, украсить вход, испечь пироги...

— Пироги я обещала, — перебила Рита. — Не сто пятьдесят. Восемьдесят. И только если кто-нибудь заберёт коробки

из пекарни, потому что я не могу одновременно месить тесто и телепортироваться.

Семён потёр переносицу. Его большая тыква, выращенная специально к празднику, тоже пока не была доставлена на площадь.

— Василису обещали привезти сегодня, — сказал он. — А машина не пришла. Но сама тыква в порядке. Утром я её видел в садовом сарае.

— Так почему ты раньше не сказал? — спросила тётя Нина.

— Я сказал, что её не привезли.

— Это не то же самое, что сказать, где она.

— Теперь вы знаете, где.

— Я не знаю, кто её повезёт!

Лида посмотрела на семь листков. На каждом были слова «надо», «кто-нибудь» и «обязательно». Ни разу — имя. Ни разу — время.

— Можно я спрошу одну вещь? — сказала она.

Спор оборвался, но не сразу: сначала договорил Аркадий, потом Рита тихо вздохнула, потом Миша убрал телефон от уха.

— Что из этого факт, а что пока предположение?

Тётя Нина нахмурилась. Аркадий поправил очки.

— Факт: сцена не собрана, — ответил он. — Доски есть, крепежа нет. И я не дам детям стоять на конструкции, которую никто не проверил.

— Хорошо. Гирлянды?

— Поставщик отменил доставку, — сказала Рита. — Это факт. Что праздник останется без света — предположение.

— Василиса на месте, просто не привезена, — добавила тётя Нина.

Семён качнул головой:

— Пока на месте. Утром была.

Слова «пока на месте» повисли в воздухе, но никто не придал им значения.

Лида подтянула к себе чистый лист.

— Тогда давайте запишем не все беды сразу, а ближайший следующий шаг для каждой. И рядом — имя того, кто его делает. Не «кто-нибудь», а конкретный человек.

— Ты сейчас предлагаешь назначить ответственных? — спросил Аркадий.

— Да. Но не назначить всех ответственными за всё. Иначе в итоге никто не понимает, за что отвечает.

Лида не говорила громко. Ей не нужно было перекрикивать библиотеку: стоило написать на листе четыре заголовка, как люди начали смотреть туда, а не друг на друга. «Что нужно сделать». «Кто». «К какому времени». «Что, если не получится».

Когда задач слишком много, мозг пытается держать их все в воздухе — и роняет самые неудобные. В когнитивной психологии рабочую память описывают как ограниченную; часто приводят оценку примерно в четыре смысловых блока,

хотя это не универсальная цифра для каждого человека. Но даже без точных подсчётов ясно: удерживать одновременно сцену, гирлянды, пироги, тыкву и чужое раздражение трудно. Перенести задачи на бумагу — не хитрость для ленивых, а способ освободить внимание для решения.

— Сначала безопасность и то, что зависит от других, — сказала Лида. — Аркадий, вы проверяете доски и отмечаете, чего не хватает. Миша с Сашей идут со взрослым в школьный сарай за крепежом. Сцену собираете только после проверки. Не нашли нужное к трём — звоним сторожу и просим его запасной ящик.

— Понял, — сказал Аркадий. Он уже не спорил, а записывал.

— Свет, — продолжила Лида. — Я спрошу в библиотеке и Доме культуры, какие есть светодиодные гирлянды. Миша, ты можешь связаться со школьным кружком? Нужны не свечи, а безопасный свет для улицы.

— Могу. У нас в кабинете физики есть два набора, — сказал Аркадий. — Если директор разрешит.

— Тогда это ваш звонок до двух часов, — уточнила Лида. — Если наборы не дадут, используем банки с маленькими светодиодными лампочками из кафе. Рита, у тебя, кажется, такие стоят на окнах?

— Стоят. И я могу одолжить шесть, но не двадцать. Я всё-таки пекарь, а не пункт проката света.

— Шесть тоже лучше, чем темнота, — согласилась Лида.

Рита улыбнулась и впервые за утро отпила чай.

С пирогами решили проще: восемьдесят небольших, а не сто пятьдесят больших. Рита отвечала за выпечку, Саша — за коробки, которые нужно было забрать из пекарни к пяти. Тётя Нина отмечала, кто заберёт яблоки, а кто расставит лавки. Каждый раз, когда возникало новое «надо», Лида спрашивала: «Это обязательно для праздника или просто было бы красиво?» Иногда после этого задача исчезала сама. Иногда оставалась, но получала имя и срок.

Семёну она задала отдельный вопрос:

— Кто сегодня проверит, что Василису действительно можно забрать?

— Я сам, — сказал он. — После собрания поеду в сад. Позвоню водителю и договорюсь насчёт прицепа.

— До какого времени?

— К пяти буду знать.

— Запишем.

Он чуть поморщился, но спорить не стал.

Лида подвинула лист в центр стола. Теперь он был похож не на перечень бедствий, а на карту: здесь — сцена, здесь — свет, здесь — еда, здесь — тыква. У каждого участка появился хозяин. Не начальник, а человек, который знал следующий шаг и мог попросить помощи, если что-то пойдёт не так.

Если вам когда-нибудь достанется список, который растёт быстрее сил, попробуйте короткое упражнение. Выделите на

него десять минут и сделайте пять вещей:

1. Выпишите всё, что крутится в голове, не пытаясь сразу навести порядок.
2. Отметьте задачи, без которых не состоится главное, и отделите их от приятных дополнений.
3. Для каждой важной задачи назовите одного ответственного, ближайшее действие и срок.
4. Добавьте запасной план для того, что зависит от поставщика, погоды или чужого ответа.
5. Проверьте план позже по фактам, а не по тому, кто выглядит самым уставшим.

Конкретные договорённости помогают лучше, чем общее «постараемся». В исследованиях планирования этот приём часто описывают как намерение формата «если произойдёт такое-то, я сделаю вот это». Например: «Если к пяти не найдутся гирлянды, мы ставим светодиодные лампы в банки». Такой план не чинит машину поставщика, зато избавляет от необходимости заново спорить о том, что делать, когда она не приехала.

К трём часам у библиотеки уже кипела работа. Аркадий с подростками уехал проверять доски. Рита вернулась в пекарню и оставила у тёти Нины коробку с булочками «для переговорщиков». Миша обзвонил школьников, и двое согласились принести светодиодные гирлянды. Лида нашла в запасниках библиотеки светящиеся фонарики для летних чтений и договорилась одолжить их на вечер. Она всё ещё дер-

жалась чуть в стороне — говорила «я проверю» вместо «мы сделаем», — но заметила, что больше не поглядывает на билет в кошельке.

К вечеру площадь приобрела очертания праздника. На сцене появились ровные доски и крепкие перила. Аркадий лично проверил каждый шаг и остался недоволен только одним: Миша прикрутил табличку чуть криво.

— Она же декоративная, — возразил тот.

— Декоративное тоже может падать на голову, — ответил учитель.

Миша поправил табличку. Никто не обиделся. У фонариков нашлись банки, у банок — место на столах. Рита прислала в библиотеку записку: «Пироги в печи. Коробки забрали. Я всё ещё пекарь, но уже не телепортируюсь».

Тётя Нина перечитала общий план и, кажется, впервые за день перестала сжимать блокнот так, словно в нём хранились последние дрова перед зимой.

— Вот видишь, — сказала она Лиде. — Всё оказалось не так страшно.

— Оно не стало меньше, — ответила Лида. — Просто теперь у каждой части есть человек.

Тётя Нина подумала и кивнула.

К пяти Семён не позвонил. В половине шестого позвонил сам Миша: они с Аркадием закончили сцену и спрашивали, куда складывать остатки досок. Семён всё ещё не появлялся. Тётя Нина набрала его номер, но ответа не было.

— Может, грузит, — сказала она. — Тыква большая.

— Девяносто шесть килограммов, — напомнил Семён утром. — Но это не гора. Её можно перевезти на прицепе.

— Тогда, может, водитель задержался.

Лида взглянула на новый лист. У пункта «Василиса» стояло: «Семён — проверить и договориться о перевозке — до пяти». Рядом она поставила маленькую черту. Не обвинение, просто отметка: срок прошёл, информации нет.

— Позвоним ещё раз, — сказала она. — Если не ответит, съездим в сад.

На этот раз в библиотеке никто не принял её предложение за вмешательство. Семён как раз вошёл через боковую дверь, снял кепку и положил на стол связку ключей.

— Я ездил, — произнёс он.

Тётя Нина поднялась первой:

— И?

Семён не сразу ответил. На его куртке темнели следы сырой земли. Он выглядел не сердитым, а растерянным — так выглядит человек, который много лет знает, где лежит каждая вещь, и вдруг обнаруживает, что мир не обязан оставаться на своих местах.

— Сарай был заперт, — сказал он. — Замок целый. А Василиси нет.

Никто не заговорил. Даже Миша убрал телефон в карман.

— Ты уверен? — спросил Аркадий.

— Я утром её видел. Сам укрыв. Там только солома и след

от поддона.

На площади уже ждали деревянная подставка и табличка с аккуратной надписью «Главная тыква праздника». Лида пошла туда вместе с Семёном. За ними вышли остальные: не потому, что кто-то назначил их ответственными, а потому, что в маленьком городе чужая беда редко остаётся только чужой.

Фонари светились в банках. Сцена стояла крепко. На столе у пекарни остывали пироги. Всё, что ещё утром казалось неразрешимым, нашло себе человека, время и способ.

Только место для Василисы оставалось пустым.

Лида остановилась перед деревянной подставкой. На соломе виднелся круглый след, будто кто-то совсем недавно поднял с неё тяжёлую ношу. Праздник уже не срывался из-за списка дел. Но главной тыквы не было ни в садовом сарае, ни на площади — и теперь пустое место выглядело не недоделкой, а вопросом, на который предстояло ответить всем городом.

Пропавшая тыква

На рассвете площадь выглядела так, будто праздник ещё не успели придумать. Над ратушей висело бледное небо, фонтан молчал, а листья кленов прилипали к мокрой брусчатке. Только у сцены уже хлопотала Вера Павловна, заведующая подготовкой: то приподнимала край скатерти, то зачем-то поправляла пустую табличку с надписью «Медовая королева».

Табличка стояла перед пустым постаментом.

Лида остановилась у ограждения и сперва решила, что тыкву накрыли тёмной тканью. Но ткани не было. Не было и самой тыквы — огромной, медно-оранжевой, с широкими боками и хвостиком, похожим на крючок старого пастушьего посоха.

— Может, её переставили? — спросила Лида.

Вера Павловна посмотрела на неё так, словно сама уже успела задать себе этот вопрос раз сто.

— Я пришла в шесть. Замок целый. Цепь на месте. Ключ у меня. Тыквы нет.

Замок действительно был закрыт, дужка не погнута, звенья цепи не разомкнуты. На земле вокруг постамента темнел влажный полукруг. Чуть дальше тянулись две полосы, будто здесь недавно провезли тележку. Лида присела, не касаясь следа.

— Это похоже на след колёс.

Сказала — и тут же заметила, как Вера Павловна побледнела.

— Значит, вывезли?

Лида не ответила. Пока это было только похоже на след колёс. А «вывезли» уже превращало догадку в готовую историю, в которой неизвестный злоумышленник, тайком отперев неотпираемое, погрузил на тележку тыкву размером с маленький диван и увёз её в неизвестном направлении.

На площади щёлкнул телефон. Вера Павловна прочитала сообщение и сжала губы.

— Пекарня и кооператив хотят знать, будет ли конкурс. Они внесли деньги на призы и оформление. Если к полудню мы не подтвердим, что праздник состоится, могут снять поддержку. А без Медовой королевы... — Она посмотрела на табличку. — Какой тут конкурс?

Лида подумала о семенах, из которых выросла пропажа. Их передавали в Медовке из семьи в семью. Когда-то первый пакетик привезла прабабушка Ефросинья, потом семена сохраняли у Корнеевых, передавали Куликовым, снова возвращали Корнеевым. Каждый год оставляли лучшие — не самые крупные, а самые крепкие. Тыква была урожаем, да. Но ещё и местной памятью, которой можно коснуться ладонью.

— Праздник пока никто не отменяет, — сказала Лида. — Сначала выясним, что произошло.

— А если выяснять некогда?

— Тогда особенно важно не тратить время на неверную версию.

У сцены появился Даня, подросток из волонтерской команды. В одной руке он держал термос, в другой — блокнот, из которого торчали разноцветные закладки.

— Я слышал, что Медовая королева сбежала, — сказал он. — Или её похитили. В чате уже спорят.

— Ни то ни другое мы пока не знаем, — ответила Лида. — Поможешь нам не дать спору обогнать факты?

Даня нахмурился, но блокнот открыл.

Лида попросила Веру Павловну не трогать замок, землю и найденные вещи, пока они не осмотрят место. Не потому, что площадь вдруг стала местом громкого преступления, а потому, что перемешанные следы редко становятся понятнее. Потом она достала из папки план площади, который готовили для расстановки праздничных палаток, и вместе с Даней закрепила его на складном столике.

— Будем отмечать отдельно три вещи, — сказала она. — Кто видел саму тыкву, кто видел тележку и где находились люди. И ещё запишем, откуда человек смотрел.

— Зачем откуда?

— Потому что одно и то же место с разных сторон выглядит по-разному.

Даня поставил на карте оранжевую точку у постамента, синюю — у фонтана, зелёную — возле сцены. Для каждого свидетельства они оставляли рядом маленькую пометку:

время, насколько человек уверен, видел ли он всё сам или слышал от кого-то.

Первой подошла Вера Павловна. Она сказала, что проверяла площадку примерно в половине десятого вечера: табличка стояла на месте, ограждение было закрыто. Впрочем, точного времени она не помнила. Помнила, что перед этим позвонил поставщик булочек и спросил, куда привезти утреннюю партию.

— Значит, между звонком и тем, как вы закрыли площадку? — уточнил Даня.

— Нет, я закрыла раньше. Или позже... Звонок был уже дома. Кажется.

Лида внесла не одно точное время, а промежуток.

Следующим подошёл электрик Семён. Он сказал, что видел Медовую королеву около девяти вечера, когда проверял гирлянду над сценой. Тыква была повернута хвостиком к фонтану.

— Я бы запомнил, если бы её уже не было, — уверенно добавил он.

Вера Павловна подняла глаза:

— А мне говорили, что ты закончил раньше.

— Гирлянду — раньше. Потом я вернулся за перчатками.

— А на часах сколько было?

Семён почесал затылок.

— Не знаю. Может, без четверти девять. Я время по окончанию сериала помню, а не по площади.

Даня поставил на карту ещё одну точку, но не стал обводить её жирным кружком.

— Почему не жирным? — спросила Лида.

— Потому что он сам не уверен.

Лида улыбнулась:

— Вот именно.

Пришла тётя Соня, торговавшая травяным чаем возле ра-туши. Она хорошо помнила, как несла к машине коробку с чашками, и сказала, что тогда тыква была «поближе к фонарю, чем к фонтану». Но сколько было времени, не знала. Даня записал и это.

Потом выяснилось, что Семён смотрел на постамент со стороны сцены, а тётя Соня — из-за палатки, где часть тыквы закрывал край тента. Они оба помнили оранжевый бок и зелёный хвостик, но не могли поручиться, что правильно запомнили, куда именно он был повёрнут.

Лида посмотрела на карту. Точки стояли рядом, однако их свидетели будто описывали два разных вечера.

Память, объяснила она Дане, не работает как камера, которая безошибочно записывает всё вокруг. Человек замечает то, что важно ему в эту минуту, а потом восстанавливает подробности из кусочков: увиденного, услышанного, привычного. Разговор после события тоже может влиять на воспоминание. Поэтому полезнее спрашивать: «Что вы видели сами?» и «Что помогло вам понять, который был час?», а не подсказывать ответ: «Вы ведь видели тыкву у фонтана в де-

вать?»

— А если люди уверенно спорят? — спросил Даня.

— Уверенность — это тоже наблюдение, но не доказательство точного времени.

К половине девятого карта уже обросла точками. Тыкву видели с трёх сторон площади, но последнее надёжное свидетельство пока оставалось расплывчатым. Тележку видели двое: один помнил её возле фонтана, другой — у задней стороны сцены. В обоих случаях свидетели описывали деревянную платформу на резиновых колёсах, но не могли сказать, что на ней лежало.

Лида провела пальцем по плану. От постамента к узкому проходу за ратушей действительно тянулись две тёмные полосы.

— Вот, — сказала она. — Если тележка уехала отсюда в переулок, это может быть маршрут тыквы.

Даня ничего не ответил, но записал её слова.

Они прошли по полосам до конца. Следы вели не к воротам и не к дороге, а к клумбе с бархатцами. Там одна полоса обрывалась, а вторая смешивалась с отпечатками обуви. Земля у клумбы была мокрой.

— Ты уверена, что это след тележки с тыквой? — спросил Даня.

Лида уже собиралась сказать «да», но остановилась. Это был хороший вопрос — не возражение, а напоминание отделить видимое от предполагаемого.

— Нет. Я решила быстрее, чем успела проверить.

Она сказала это громко, чтобы слышала и Вера Павловна, подошедшая следом.

— Тогда надо найти тех, кто возил тележки, — сказала та.

Так они и поступили. Лида не попросила добровольцев рассказать, «кто мог взять тыкву». Она спросила, какие работы выполняли вечером, кто перемещал оборудование и где оставляли тележки.

Ответ быстро нашёлся. После окончания репетиции волонтёры отвозили пустые ящики и деревянные настилы к складу. Тележку катили именно за сценой, потом разворачивали у клумбы, чтобы не задеть свежие посадки. Следы колёс могли появиться там до того, как вечером полили цветы.

— Но их направление похоже на путь от постаментов, — заметила Вера Павловна.

— Только если смотреть на них как на путь от постаментов, — ответила Лида. — А если знать, что тележка шла к сцене, они складываются иначе.

Они не доказали, что ни одна тележка не перевозила тыкву. Но полосы, которые ещё утром казались уликой кражи, перестали быть убедительным доказательством. У них было другое объяснение, подтверждённое людьми, работой и расположением клумбы.

Лида перечеркнула в блокноте слово «вывоз» и написала: «Следы тележки. Время неизвестно. Версии две».

Это маленькое исправление подействовало на всех лучше,

чем уверенное обвинение. Вера Павловна перестала смотреть на каждого вошедшего на площадь как на подозреваемого. Даня заметно расслабился.

— Значит, всё-таки кто-то мог её унести, — сказал он.

— Мог. А могло случиться что-то, чего мы пока не учили. Мы не обязаны выбирать между двумя догадками только потому, что они первыми пришли в голову.

У ограждения Лида заметила комочек влажной земли. Он прилип к нижнему перекладью с внутренней стороны, там, где цепь подходила к столбику. Земля была рыхлой и тёмной, с мелкими корешками. Рядом на заусенце металла застряла золотистая волокнистая нить — тонкая, неровная, будто отрезанная от пучка сухой травы или грубой бечёвки.

— Это тоже с тележки? — спросил Даня.

— Может быть. А может, с декорации, упаковки или чьей-то корзины. Пока мы знаем только, что она здесь.

Он отметил место на плане и сделал снимок, положив рядом для масштаба линейку из своего набора. Землю и нить они не стали трогать.

— Зачем ты фотографируешь линейку? — спросила Вера Павловна.

— Чтобы было понятно, какого размера предмет, — ответил Даня. — А ещё чтобы потом не перепутать, где он лежал.

Лида одобрительно кивнула. Внимательность не требовала особого дара. Чаще всего она означала простые вещи: остановиться, посмотреть, записать, не переставлять пред-

меты и не называть догадку фактом.

На карте они восстановили вечернюю подготовку. Сначала волонтеры привезли настилы к сцене. Затем электрик проверил гирлянды. Продавцы убирали посуду и коробки. Вера Павловна закрывала ограждение и уносила ключ. Но между этими событиями оставались промежутки, а некоторые люди заходили на площадь с разных сторон. Замок был цел, однако целый замок отвечал только на один вопрос: цепь не разрезали и дужку не сломали. Он не рассказывал, кто находился внутри ограждения, когда, и что там происходило.

Лида попросила Веру Павловну составить перечень людей, у которых по работе был доступ к площади: организаторы, волонтеры, электрик, продавцы, садовник, сотрудники ратуши. Не список подозреваемых, подчеркнула она, а список тех, чьи маршруты и задачи стоит уточнить.

— Это большая разница? — спросил Даня.

— Огромная. Доступ объясняет, кому можно задать вопрос. Он не объясняет, кто виноват.

Вера Павловна тем временем позвонила спонсорам. Она не стала обещать невозможное и не стала объявлять конкурс отменённым. Сказала, что тыква пропала, поиски начаты, а к полудню она сообщит, какие есть подтверждённые сведения. Это был не самый весёлый разговор на свете, зато после него у команды появилось два часа вместо паники.

Лида предложила Дане небольшое упражнение — полез-

ное не только для таинственной пропажи, но и для любого спора, где все уверены, что помнят по-разному.

— Возьми чистый лист, — сказала она. — Раздели его на три части. В первой запиши то, что можно проверить: замок цел, следы есть, тыквы нет. Во второй — что говорят люди, обязательно отмечая, видели ли они сами и насколько точны во времени. В третьей — возможные объяснения. Не соединяй их, пока не появится факт, который это позволяет. И оставь место для новой версии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.